

XIX–XX век

Предания крестьян Русского Севера

Максимов С. В. Год на Севере // Избранные произведения в двух томах. М., 1987.

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) – известный этнограф, писатель, превосходный знаток русского народного быта, народных представлений, языка, фольклора. В 1856–1857 гг. совершил путешествие по Русскому Северу, итогом которого и явилась книга, откуда взяты печатаемые ниже предания.

...С противоположной стороны <Двины>, на горе открывается <...> вид села Вавчуги. Там еще живут свежими преданиями о Петре Великом, там еще недавно был он, гостил не одни сутки у богатого, умного владельца Вавчуги Баженина, которого любил ласкать и жаловать великий император. <...> На самой верхней террасе, на вершине Вавчужской горы, красуется сельская церковь старинной постройки, с колокольни которой открываются чудные и разнообразные виды, как говорят, больше чем на семьдесят верст. На эту колокольню входил с Бажениным Петр Великий, три раза навещавший Вавчугу. На этой колокольне, по народному преданию, великий монарх звонил в колокола, тешил свою государеву милость. И с этой-то колокольни раз, указывая Баженину на дальние виды, на все огромное пространство, расстилающееся по соседству и теряющееся в бесконечной дали, Великий Петр говорил:

– Вот все, что, Осин Баженин, видишь ты (а глаз досягал чуть не самого Архангельска) здесь: все эти деревни, все эти села, все земли и воды – все это твое. Все это я жалею тебе моей царской милостью!

– Много мне этого, – отвечал старик Баженин. – Много мне твоего, государь, подарку. Я этого не стою. Я уж и тем всем, что ты жаловал мне, много доволен.

И поклонился царю в ноги.

— Немного, — отвечал ему Петр, — немного за твою верную службу, за великий твой ум, за твою честную душу.

Опять поклонился Баженин царю в ноги и опять благодарил его за милость, примолвив:

— Подаришь мне все это — всех соседних мужичков обидишь. Я сам мужик, и не след мне быть господином себе подобных, таких же, как и я, мужичков. А я твоими щедрыми милостями, великий государь, и так до скончания века много взыскан и доволен.

Милости государя состояли в том, что Баженин получил сначала звание корабельного мастера, а потом вместе с братом (Федором) пазван именитым человеком гостиной сотни, мог отправлять свои корабли за море с разными товарами, имел право держать пушки и порох, мог без всякой пошлины вывозить из-за моря все материалы, нужные для кораблестроения, понимать шкиперов и рабочих всякого звания, не спрашивая согласия местных властей. Все это Баженин получил за то, что был одним из первых и лучших ценителей начинаний Петра и был первым основателем и строителем *первого* русского коммерческого флота (...)

Весной 1694 г. был спущен с вавчужской верфи *русский первый корабль* с первым русским коммерческим флагом — «Святой Петр» (...). В 1702 году Петр, в третий и последний раз посетивший Двину, сам спустил в Вавчуге два новых фрегата.

Т. 2. С. 187–189.

Баженин ждал царя с великим нетерпением, которое в конце возросло до такой степени, что старик перестал ждать в Вавчуге — выехал к царю навстречу. Ехал скоро, — насколько сильно было в нем желание поскорее лицезреть Петра и насколько быстро могли везти ящики, хорошо знавшие, что Баженин — друг царя.

На одной из станций — именно в Ваймуге — Баженину показалось, что ящик не скоро впрягает лошадей и таким образом как бы намеренно задерживает момент свидания его с Петром. Баженин вснылил и ударил ящика в ухо, но так неловко, что попал в висок, и так сильно, что ящик тут же на месте упал и умер.

Между тем приехал Петр. С Бажениным отправился он в Холмогоры и в Вавчугу. В Вавчуге пировал. Съездил в Архангельск и поехал назад, в Петербург; Баженин его провожает. В той же Ваймуге, где Баженин убил ямщика, собрались мужики царю пожаловаться, что зазнался-де Осип Баженин и никакого суда на него не найдешь. Прямо сказать мужички не смели, а придумали сделать это дело так, что, когда вышел царь из избы к повозке, мужики стали перешептываться промеж себя, потом громче переговариваться:

— Баженин мужика убил. Мужика убил Баженин!

Услыхал Петр — улыбнулся. Остановился на одном месте да и спросил весь народ громким голосом:

— Ну так что ж из того, что Баженин мужика убил?

У мужиков и ноги к земле, и язык к гортани прилипли, стоят и слушают.

— Это ничего, что Баженин мужика убил. Больно бы худо было, кабы мужик убил Баженина.

У мужиков и ушки на макушке. Царь продолжал:

— Вас, мужиков, у меня много. Вот там под Москвой; за Москвой еще больше; да на Казань народ потянулся, к Петербургу подошел: много у меня мужиков. Вот вас одних сколько собралось из одной деревни. Много у меня вас, мужиков, а Баженин — один.

С тем царь и уехал.

В это же посещение Вавчуги, как говорят, царь подарил Баженину медальон из кизилия с своим портретом, вырезанным собственными руками. <...>

Впоследствии, когда беломорская торговля упала и уничтожены были все привилегии, какими пользовался Баженин, дела их пришли в упадок. <...> Вавчужская верфь потеряла свою нравственную силу и значение. Но старший Баженин до конца своей жизни не переставал пользоваться в окольности всеобщим почетом и уважением. И до сих пор живет в Холмогорах присловье: «Словно у тебя Баженин в гостях!» — когда замечено будет, что в комнате собралось много свечей, хотя бы то произошло и случайно.

Т. 2. С. 189–190.

Были на нашу сторонку многие божеские пощущения¹ и разные беды: приходили к нам грабить скот, воровать девок и маленьких ребятенков *пань*². Всякий панок, у которого были рабы свои, крестьяне бы по-нашему, волен был творить всякий разбой и грабительство. Эдакий-то один пришел и к нашему селению в старые времена. Тоже богатый был панок и силу большую имел: много народу водил за собой (а сказывал мне все это старик-дедушка, а дедушке-то другой сказывал, а этому-то другому было восемь десятков лет; тот дело это сам видел). Грабил этот панок все деревушки поблизости; надумал сотворить то же и с нашим селом и силу распределил и спать лег. Поутру проснулся, диво видит: бьют его воины всяк своего брата. Бьют они, и рубятся, и насмерть друг друга кладут; потемнились люди неведомой силой и помотались все в озеро, которое и прозвали с той поры «святым»; и гору подле тоже «святой» прозвали, затем что спасение свое тут село наше получило.

Увидел панок народу побитие и, не ведаючи причины тому, взмолился Богу со слезами, и крепким покаянием, и таким обещанием: «Помилуешь меня, господи, — веру православную приму и разбойничать и убивать крещеные души вовеки не буду!» Господь устроил по его желанию: простил спокаявшегося, дал ему жизнь и силу. Пришел панок этот в село наше, от священника православного благословение и крещение принял и стал простым крестьянином: стал землю пахать, на промысла в море ездить, скоро научился с волной правиться и стал распрехорошим кормщиком³, — всем, слышь, на зависть.

Вот и идет, слушай, царский указ в Архангельский город: будет-де царь скоро — приготовьтесь. Едет-де он морем, так шестнадцать человек ему *лочиев* (лоцманов) надо. Ждут царя день, ждут и другой, хотят его лик государский видеть: от дворца его не отходят ни днем, ни ночью. Смотрят, на балкон вышел кто-то. Лоцманы пали на землю, поклонение ему совершили, и лежат, и слышат:

— Встаньте-де, православные, — не царь я, а генерал Щепотев. Петр Алексеевич сзади едет и скоро будет. Велел он вам свою милость сказывать: выбрать-де вам из всех из шестнадцати самых наилучших, как сами присудите.

Выбрали четырех, пришли к Щепотеву.

— Выберите-де из этих самого лучшего! Он будет у царя коршиком, а все другие ему будут помогать и повиноваться.

Выбрали все в один голос Антипа Панова, того самого, что под наше селение с войной приходил и святую веру приял.

Царь на это время приехал и сам и сейчас на корабль пришел, Антипа Панова за руку взял и вымолвил:

— На тебя полагаюсь — не потопаи.

Панов пал в ноги, побожился, прослезился; поехали. И пала им на дороге зельная буря. Царь велел всем прибраться, а Панову ладиться к берегу; а берег был нодле Унских рогов, самого страшного места на всем нашем море. Ладился Панов умючи, да отшибала волна; не скоро и дело спорилось. Царю показалось это в обиду; не вытерпел он, хотел сам править, да не пустил Панов:

— Садись, царь, на свое место; не твое это дело; сам справлюсь! — Повернул сам руль как-то ладно, да и врезался, в самую губу врезался, ни за един камешек не задел да и царя спас.

Тут царь деньги на церковь оставил, и церковь построили после (ветха она теперь стала, не служат). Стал царь спрашивать Панова, чем наградить его; пал Панов в ноги, от всего отказался: «Ничего-де не надо!» Дарил царь кафтан свой, и от того Панов отказывался.

— Ну, — говорит, — теперь не твое дело — бери!

Снял с себя кафтан и всю одежду такую, что вся золотом горела, и надел на Панова, и шляпу свою надел на него; только с кафтана пуговицы срезал, затем, слышь, золотые это пуговицы срезал, что херувимы, вишь, на них были. И взял он Панова с собой в дорогу; в Соловецкий монастырь и в Нюхчу привез и на Повенец повел за собой*.

Т. 1. С. 327—328.

---

* По более достоверным письменным свидетельствам видно, что царь подарил кормицнику свое мокрое платье, даже до рубашки, выдал 5 руб. на одежду, 25 руб. в награду и навсегда освободил от монастырских работ. О последующей судьбе Антипа Панова народное предание повествует следующее: царь Петр, подаривши Антипу свою шляпу, даровал ему вместе с ней право бесплатно пить водку везде, во всех царевых кабаках, во всех избах, где бы и кому бы ни показал он эту шляпу. Панов этим лакомым правом не замедлил воспользоваться и неустанно злоупотреблял им до такой степени, что наконец опился и умер от запоев¹.

<Анекдот по поводу шанежек — архангельского лакомства (род булочек, с рыхлой внутренностью, с исподкой, поджаренной на масле и облитой сверху сметаной):>

В то время когда уже основан был Петербург и к тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, великий государь, встретив раз одного голландского матроса, спросил его:

— Не правда ли, сюда лучше приходите вам, чем в Архангельск?

— Нет, ваше величество! — отвечал матрос.

— Как так, чем хуже?

— Да в Архангельске про нас всегда были готовы оладьи.

— Если так, — отвечал Петр, — приходите завтра во дворец: попотчую!

Царь исполнил слово, угостивши и одаривши голландских матросов.

«Олонецкие губернские ведомости»

В части неофициальной этой газеты, выходившей в Петрозаводске, публиковались материалы по этнографии и народной словесности края, многие из которых вошли в отечественную науку и сохраняют свою ценность и в наши дни. Мы извлекаем из номеров газеты разных лет наиболее интересные предания о Петре.

Император Петр Великий, часто нечаянно посещавший города своего царства, около десяти раз был в нынешнем Петрозаводске, обязанном своим существованием гениальному взгляду великого преобразователя на минеральные богатства нашего края. Дорожный снаряд государя был незатейлив: летом мундирная пара, плащ, несколько белья и для прислуги деньщик или два; зимою прибавлялась шуба, шапка и теплые сапоги. Обед монарха был готов везде, потому что он употреблял всякую пищу; кухня за ним никогда не тащилась.

В одну из поездок своих на заводы, основанные на речке Лососинке и носившие имя своего основателя, Петр прибыл в Сланец. Подъехав к дому Воеводской канцелярии, где тогда сосредоточивалось главное управление здешнего края, монарх быстро вошел в комнату и, встретив воеводу, седого, простосердечного старца, спросил у него, какие есть в канцелярии челобитчицы дела. Испуганный воевода, упав на колени, дрожащим голосом отвечал:

- Виноват, всемилостивейший государь! Никаких нет.
- Как никаких нет?
- Никаких, — повторил воевода со слезами на глазах. — Виноват, государь, я никаких спорных челобитен не при-

нимаю и до разбора канцелярии не допускаю, а всех соглашаю к миру, и следов ссор в канцелярии никогда не бывало.

Удивился монарх такой вине, такому простосердечию; подняв стоявшего на коленях воеводу и поцеловав его в голову, он сказал:

— Я бы желал и всех воевод видеть виноватыми столько же, как ты. Продолжай, друг мой, такое служение; Бог и я тебя не оставим.

Прошло несколько лет после того. В Адмиралтейской коллегии возникли несогласия между членами Чернышевым и Крейцом. Когда узнал об этом государь, то вспомнил миролюбивого олонецкого воеводу и послал к нему указ о прибытии в столицу. Тотчас определив его прокурором в Адмиралтейскую коллегию, Петр сказал ему:

— Почтенный старик! Я желаю, чтобы ты и здесь был так виноватым, как в Сланце, и, не принимая ссорных объяснений от членов, мирил бы их. Ты ничем столько не послужишь мне, как водворив между ними мир и согласие.

К сожалению, в современных анекдотах, откуда мы заимствовали настоящий рассказ, не сохранилось имя этого олонецкого воеводы.

1859, № 18

Об этом анекдоте вспомнил К. И. Зоммер, председатель Олонецкого губернского дворянского комитета по крестьянскому делу как о примере мирного разрешения спорных вопросов.

№ 21

В бытность свою в деревне Подпорожье, Лодейнопольского уезда, на реке Свири, я любопытствовал узнать, почему тамошний порог носит название Лисья голова. Расспросы местных жителей не привели ни к чему; видно было, что народ или забыл причину такого названия замечательной местности на водяном пути, или извратил самое название. Так, сказывали, через порог, в самом быстром месте его, при первом основании деревни Подпоро-

жья, перешлыла лисица и что у ней из-под воды видна была одна голова <...>

Случайно я услышал более вероятный рассказ крестьянина — старика, который в молодые годы жил здесь на промыслах.

— Дело тут не простое, передавали мне стогодовые старики, — говорил мой рассказчик. — В старинные годы в том месте, сказывают, был царь Петр... Так от него дело пошло.

Деревни-то Подпорожья раньше царя Петра у порога не было, а по его царскому приказанию уж после народ-то выселен был из Боровиц, отколь ходят все пастухи, с порогов Боровицких, чтобы на том месте лоцманы были всегда наготове — а была только деревня Важени. Ехал по Свири Петр этот на судах, — только суда были большие, — и доехал он до порога Лисьей головки, а тут были уж лошади приготовлены для тяги. Потянули первое судно, а оно на камень, да только как дело против воды было, то вреду не сделало. Тут доложили царю, что кабы не камень, так простору бы больше было и ход бы чистой был. Его царская милость сам смотрел камень и задумал поднять и отвалить в сторону.. С помощью немногосложных инструментов и снастей, какие находились под руками, — по объяснению рассказчика, — под личным наблюдением царя сделаны были под камень закладки и он был поднят из воды, оставалось подложить подкладки и камень был бы на подмостках, но дело все испортил один старик, крестьянин из деревни Важины, которому велено было подложить балки под камень, когда он будет на виду: старик оплошал, и камень, сорвавшись с веревок, юркнул в воду. Император, от глаз которого не укрывалось никакое дело, заметил оплошность старика и в справедливом гневе изволил объявить его из царских уст лысой головой. С той-то поры и мужика звали Лысой головой, да и порог стали называть Лысой головой, а что теперь-то зовут Лисьей головой, — заключил старик, — то это уж по забыв-тью народ переменил <...>

В недавнее еще время принято тот же порог называть просто Головкой, и под этим именем он слывет и теперь.

Сообщил П. Минорский
1872, № 37.

В начале прошлого столетия Петр Великий проезжал чрез селение Мегрецкое, находящееся на почтовом тракте в 12 верстах от Сланца к Лодейному полю. Между деревнями Заручне-Кабдева и Верхняя-Толмачева царь встретил человека высокого роста, с проседоокладистой бородою, который тихою поступью пробирался по широкой торной дороге в одну из деревень, лежащих в отдаленном углу поселения, близ дремучего леса; у старика за кожаным поясом был засунут большой нож, а за плечами ружье.

Петр, остановив экипаж, спросил у прохожего:

— Кто ты такой и куда идешь?

— Я есмь, — отвечал старик, — грешный иерей Бога вышнего, по фамилии Окулин, и держу свой путь к больному, желающему перед смертью покаяться и причаститься.

— Если ты служитель Божий, — сказал ему царь, — то зачем одет в мужицкую сермягу и еще носишь при себе оружие, по подобию охотников, воров и разбойников? Я не верю, старик, твоим словам и званию и потому прошу сопровождающих меня (обратившись к ним) сейчас же взять и представить в канцелярию Олонецкого воеводства на спрос и суд по закону.

— Ваше царское величество, — выразил без страха, смело Окулин. — Делайте со мною, что хотите, — я тут весь. А суд воеводы на Олонце я видал, да и но его суду оправдан бывал. Поведаю же теперь вашему светозорному уму, могучий государь, что в дремучих лесах нашей волости водятся воры и разбойницы, кои посягают на мое правдою нажитое достояние, заключающееся более в металлах (деньгах), поэтому я не из скопидомства, когда ухожу из дому, тогда и металлы свои уношу от их лому, а в защиту себя, да и для острастки этих недобрых людей ношу, аки воин, оружие на своих чреслах и раменах, облеченных от ненастья в рубище серого цвета.

— Когда такую речь ведешь, — ответил ему Петр, — то скажи мне: сколько денег у тебя и на что ты их бережешь? Разве не знаешь того, что в положении воина наши молитвенники нарушают правила святой православной церкви Христовой?

В ответ на это Окулин сказал:

— Я Божий закон читал, но деньгам своим счету не давал; на, государь, прими их в жертву от шестидесятилетнего старца с усердием и доброю волею великому царю-батюшке на русскую флотилию и армию. — И отдал свой металл.

Петр Великий, приняв деньги, оставил старца Окулина и впоследствии вызвал его в Питер и там сделал его членом высшей духовной коллегии.

Сообщил С. Славъ.

1872, № 37

Единогласно говорят старожилы, что император Петр Великий, проездом от марциальных вод¹, однажды позволил остановиться в Святозере на обывательской станции для перемены лошадей. Милостиво разговаривая с народом, обратил он царственный взор свой на один маленький остров, находящийся на озере Святозере, вблизи селения Святозерского.

— Отчего на острове сохранился довольно высокий лес, я в окружности такого нет? — спросил царственный путешественник.

— Оттого, — ответил некто из крестьян, — что остров этот святой и лес на нем святой, и кто повредит хотя одно дерево на нем, того Бог может наказать болезнию.

Что сказал Петр на эти слова крестьянина — неизвестно, только сам он решился быть на острове и осмотреть лес. Прибыв туда, нашел он в роще часовню и, помолившись в ней, взял топор и начал рубить одну вековую ель, которая лезвию топора мало поддавалась. Долго трудясь и обрубя ель кругом, Петр до того утомился, что руки отказались служить и в голове зашумело — так что он принужден был оставить свое дело неоконченным и сказать:

— Правда, что остров этот святой и деревья на нем святы. Меня работа утомила до изнеможения.

Оставляя остров, Петр обещался на месте часовни построить церковь, но скорая смерть его, может быть, была причиною, что обещания своего он не привел в исполнение. Святозерцы в память посещения Петром Первым острова и часовни, ежегодно празднуют св. апостолам Петру и Павлу в 29 день июня, а в память прежде празднуемого в

часовне святого совершают крестный ход из церкви в часовню на 3-й день Пасхи; но как звали по имени того святого, они не знают.

Зап. священником Петром Ильинским.
1872, № 73

Местный крестьянин Дьяков разбогател, найдя клад.

Во время одного из путешествий Петра Великого в Архангельск поручено было передовому гонцу, или как называют его здесь — сержанту объявить на Вытегорском погосте² некоторый указ от имени государя. Народ выходил от обедни, когда гонец привез сюда указ и вручил его сыну Дьякова, молодому человеку. Молодой Дьяков принес указ и, не снимая шапки, прочитал его в перчатках. Гонец через одного крестьянина дал понять отцу Дьякова, что сын его сделал худо и что за такое непочтение он может дорого поплатиться, если государь об этом узнает; однако обещал не доводить о том до сведения государя, если дадут ему 5 р. Богач Дьяков плюнул на это предложение и сказал, что лучше издержит он 500 руб., чем даст эти 5 руб. дураку. Гонец оскорбился и подробно передал обо всем Петру.

На возвратном пути из Архангельска государь остановился на ночлег у Дьякова, но не принимал от него ни пищи, ни питья, утром же объявил ему, что намерен наказать примерно сына его за непочтение к величеству. Дьяков упал перед государем на колени и просил его помиловать сына, обещая за это уплатить в казну такое количество золота и серебра, сколько потребуется для того, чтобы осыпать им на ярмом льду³ до головы сидящего на коне всадника. Государь удивился и спросил, откуда у него такое страшное богатство.

— Клад нашел.

— А отдал ли ты треть найденного в казну, как было приказано у меня поступать в таких случаях?

— Нет.

— Ну вот и ты оказываешься виновным; однако ж тебя прощаю, а сына накажу, — и тотчас же приказал произвести экзекуцию.

Молодого Дьякова наказали кнутом, вырвали ноздри и отправили под караулом в ссылку.

По отъезде государя Дьяков послал за сыном погоню, подкупил проводников огромною суммою и оставил сына при себе, но только не смел держать его открыто.

Прибавляют к этому, что в бане Дьякова плескали для пару на каменку не воду, а разведенный мед.

Зап. от крестьянина дер. Котовой Якова Герасимова, жившего 90 лет и умершего в 1842 году.

Из очерка «Вытегорский погост» (без имени автора)

1885, № 2.

Петр Великий и весом был великий, нас троих он бы на весах перетянул; кони его возить не могли, проедет верхом версты две, три на коне, — и хоть пешком иди, лошадь устанет, спотыкается, а бежать совсем не может, а царю ли пешком ходить? Да когде еще до места-то надо пробраться верст 20, а коня нет. Вот царь и приказал достать такого коня, на котором бы ездить ему можно было. Понятно, все стали искать, да скоро ли приберешь?

А в нашей губернии, в Заонежье, был у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будет больше: красивый, рослый, копыта с тарелку были, здоровенный конище, а сам — смиренность. Вот и приходят каких-то два человека, увидели коня и стали покупать, цену и хорошую давали, да не отдал. Дело это было зимой, а весной мужик опустил коня на ухоть, конь и потерялся. Подумал мужик — зверь съел или в болоте завяз, пожалел, да что будешь делать, век конь не проживет.

Прошло после того два года. Проезжал через эту деревню какой-то барин в Архангельск и рассказывал про коня, на котором царь ездит. Узнал про коня и мужик, у которого конь был, подумал, что это его конь, и собрался в Питер — не то чтобы отобрать коня, а хоть посмотреть на него. Пришел в Питер, а Питер-то тогда меньше теперешнего Питера в 170 раз был. Ходит по Питеру и выжидает, когда царь на коне поедет.

Вот и видит он однажды, что здоровый человек едет на коне, а конь как будто его; посмотрел хорошенько — видит, конь его. Проехал всадник, а он так ничего и сказать не смел, да и что царю скажешь? А уж так и полагает, что царь

ехал. На другой день услышал, что царь поедет куда-то, стал на такое место, чтобы царя увидеть, и стал ждать. Вот и едет на том же коне, только человек еще выше ростом и здоровее того человека, который вчера проехал. Посмотрел на коня, да что глядеть: конь его да и только. Жалко стало коня, и захотелось ему попробовать, нельзя ли отобрать коня у царя. И стал он наведываться, кто бы ему пособил в этом. Были и тогда люди, да прошения писать не смеет никто, надо подать его царю, а на кого? Но нашел, наконец, человека, крючка, и тот написал ему прошение в таком роде: «Милостивый император, царь государь! Я при самом Боге и при царе вора поймал. Разреши, царь красное солнышко, мое дело!»

С таким прошением и стал подкарауливать, когда царь поедет.

Едет однажды царь и на его коне, он перед самым конем стал на колени и поклонился лицом до самой земли. Царь остановился.

— Встань, — крикнул государь громким голосом. — Что тебе нужно?

Мужик встал и подал прошение. Взял прошение царь тут же и прочитал его и говорит:

— Что же я у тебя украл?

— Этого коня, царь государь, на котором ты сидишь.

— Ладно, — говорит царь, — я поеду вперед, дело у меня нужное есть, а ты стой тут и жди; когда я назад поеду, ты крикни коня, как звал ты его дома. — И уехал.

Немного погодя едет царь, поровнялся только с мужиком, а мужик и крикнул: «Кари, Карюшко!» Конь остановился, повернулся головой к мужику и стоит поперек дороги; мужик к коню, а конь к нему, и стал мужик у коня морду рукой гладить и шею почесывать, а конь к нему ласкается и морду ему на плечо положил. Петр Великий слез с коня, смотрит на коня с мужиком, а мужик уж плачет.

— А чем ты еще можешь доказать, что конь твой? — спросил царь.

— Есть, государь, приметы, он у меня двенадцатикрестный, насечка в копытах есть.

Приказал царь посмотреть, и действительно, на каждом копыте в углублениях вырезано по три больших креста. Ви-

дит царь, что правду говорит мужик. Расспросил все у мужика, узнал, что у мужика коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, дал ему за коня 80 золотых и еще подарил немецкое платье. Так вот, что в Питере памятник-то есть, где Петр Великий на коне сидит, а конь на дыбах, так такой точно конь и у мужика был.

Когда была война со шведами, то Петр ездил на этом коне. Раз шведы поймали нашего генерала и стали с него с живого кожу драть. Донесли об этом царю, а он горячий был, сейчас же поскакал на коне, а и забыл, что кожу-то с генерала дерут на другой стороне реки, нужно Неву перескочить. Вот чтобы ловчее было скок сделать, он и направил коня на этот камень, который теперь под конем, и с камня думал махнуть через Неву, и махнул бы, да Бог его спас. Как только хотел конь с камня махнуть, вдруг появилась на камне большая змея, как будто ждала, обвилась коню в одну секунду кругом задних ног, сжала ноги, как клещами, коня ужалила, и конь ни с места, так и остался на дыбах. Конь этот от укушения змеи и сдох в тот же день. Петр Великий на память приказал сделать из коня чучело, а после, когда отливали памятник, то весь размер и взяли из чучела.

Записал учитель А. Георгиевский.

1899. № 39

Предания в записях Е. В. Барсова

Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) известен как выдающийся собиратель и публикатор народной словесности Русского Севера. Прославился тем, что открыл замечательную сказительницу и вопленицу (исполнительницу причитаний) Ирину Федосову и записал ее огромный репертуар («Причитанья Северного края» в трех томах. М., 1872–1885). Записанные Е. В. Барсовым предания о Петре Первом много раз переиздавались.

Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым. М., 1872.

В досюльщину¹ стародревнюю тишь и гладь была на Ладожском озере, ездили на плотах — не умели еще делать лодок; на плотах же собирались девицы и молодцы и караводились² и играли кругами и шинама³.

Прогневался господь на беззакония этих людей, и явился сон одному человеку богобоязненну: «Поутру будешь ты похожать на промысел сетей, рюсей⁴ и мереж⁵ и выстанет нож на сети твоей, и ты отруби сеть по тех мест, где выстанет нож, и скорее — к берегу; завтра сколыбается море».

Вышел этот ловец на промысел и стал похожать мережа, рюси и сети, и выстал нож на сети его, и он отрубил сеть по тех мест и поехал в берег. Вдруг стала буря — падара, и трои сутки море горело погодою; кто имел жительство о Ладожское, нельзя было на улицу вытти — страсть такая была.

Утихло мере чрез трое сутки. Поехали ловцы по промыслу и в берегу приборйном, куда волна катилась, нашли

семьдесят вачек на одну руку*. После этого Ладожское никогда тишиной, а все ветрами живет, и когда тихо, по нем столшни** ходят. Так было до Петра Первого.

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря-падара, погода непомерная; насилуй доплыли к Сторожевскому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег; кружит его — укачало си-не море.

— Ай же ты мать сыра земля, — закричал царь, — не колыбайся! Не смотри на глушо на Ладожское озеро.

Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море. Место, где изволил наказать своима царским руками, звали Сухая луда⁶, а с тех пор называется Царская луда. После того Ладожское стало смирнее и тишину имеет, как и прочие озера: это в виду у нас, — заметил рассказчик, — мы сами там ездили и рыбу ловили.

Затем Петр Первый имеет разъезд Свирью — два девяноста, Онегом — сто девяноста. Приезжает в Клименцы... Тогда монастырь преподобного Ионы был в затмении. Пристали к пристани. Царь к Ионе преподобному зашел в храм — испытать, есть ли мощи; отдернул половницу, тыкнул тростью царской — железом, и искра его оттуды засыпала. Царь скорее приказал устроить раку преподобному⁷.

Тут заехали в Нятину губу — к древнему монастырю и, оборотя, поехали к Конды (в семи верстах от Клименец, в губе, сорок дворов). Остановились на якоре. Царь приказал ехать на ялике за хлебом в деревню; приехали на берег эты три человека; в деревне — все женщины, мущины не-ту — работают на заводе на Бутманском.

— Что это за какой же заводчик есть? — спросили эты человеки-гальетчики.

Те отвечают:

— Мужики работают у этого Бутмана зиму и лето, с год на круг; зимой возят угодые, руду, летом уголь жгут и руду сдымают и рыбу ловят, и озеро тут над верхом, над заводом — Устрека.

Гальетчики⁸ оборотились с хлебом назад и Петру Первому это слово объяснили, что Бутман какой-то, заводчик,

* Это значит — утонуло 70 человек. Вачки — это рукавицы из сукна.

** Встречные волны.

есть и люди работают у него на боярщине: мушны единого нет в деревне. Тут царь распорядился с этими людьми — сказать этим женам, чтоб они снесли к своим мужевьям его царское слово: «Бутмана государь требует».

Услышал это Бутман и велел снарядить шлюпку, семь человек гребцов и две пушки. Выехал на Онего — и этой езды, от устья до Клименец, верст пятьдесят будет, да от Ионы преподобного верст семь до гальета⁹ царского.

Приезжает Бутман к гальету ко царскому, остановился за стрелище место (как картечь хватит — сажень за сорок). Тут приказал он людям стрелять в гальет царский с того борту и с другого. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману к царскому гальету. Царь приказал ему вытти с гальета на шлюпку и казнил его. Бутман был не русский — самозванец. И по тых лет все заведение его решилось на Устреке, как решили ему житье его: годов семьдесят лежал этот завод впусте. Однажды мужики беседами займовались: «А что, ребята, посмотреть, не попадет ли там чего?» Стали перерывать землю, рублей на сто выкопали чугуна, балясины¹⁰ и плиты — коловратный аршин*: места высоки и наполнены чугуном.

От Конды поехали на Войнаволок: здесь трои сутки стоял на якоре гальет царский — была погода, да так и оставил Петр Первый свое царское слово этой деревне: вой наволок.

Отсюда — на Повенец, а там больше реками до Сумы на ладьях. Тут прибыли в Соловецкую обитель в киновию¹¹. Царь по обычаю зашел в храм к преподобному Зосиме и Савватию и Герману¹², сослужил молебен и выехал в море. Стала сначала буря, а тут поднялся туман. Ездил Петр восемь суток — никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сон ему: «Царю, был ты в Соловецкой киновии, что же ты своима царским рукама раки святых не замкнул?»

Выстал царь и рассказал этот сон своим гальетчикам. Вдруг в его рассказе поднялся туман и показался монастырь верстах в трех, не доле, от гальета. Опять, оборотя, поехали в монастырь — к Зосиме и Савватию и Герману, в кино-

---

* Аршин долины и четверти три ширины.

вию. Петр сослужил молебен преподобным, запер раки своими царскими руками и ключи с собой захватил. Тут решилось его царское слово.

(...) Петр Первый имел проезд при деревне Шестовой, через Вянг-ручей; ехал он в Архангельск; почтовая дорога тут пролегла и теперь виднеет. Крестьяна из окольных мест собрались во множестве, видимо-невидимо на горе — верста будет от деревни. День был гулярный. Наместный староста с выборными навстречу вышли с хлебом-солью, как водится, по русскому обычаю. Выступил Петр Первый из коляски; росту он высокого, ученья великого; хлеб-соль принял и с крестьянами разговор держит:

— Каково да вы, крестьяна, поживаете, и за какой же у вас промысел есть?

Тут крестьяна пословечно стали ему высказывать:

— Близ четырех верст ниже сего места есть, надежда государь, пристань Вянгинская. С Бадог гужем хлеб сюда возим, что идет снизу реками Волгою, Шексною, Белым озером и Ковжею. С Бадог до Вянг на судах ехать не можно, вода не сошлась, верст на пять, а дале на Вянге быстрина, пороги да пристани.

— Да строим еще, государь, корабли мореходные, гальеты, водовики¹³ и соймы¹⁴, и с Вянг ходим мы шкиперами на Онегу и по Свири и по Ладожскому, для себя и с найму, и справляем хлеб на Пудогу и Повенец, а больше в реку Свирь и дале, в окольные селения.

Приудумался Петр Первый, головой потряхивает и видит: живут тут люди не слепцы, не по канату ходят, народ сметливый, работной. Заложил себе это слово на ум и поехал дале. С тех пор эта гора зовется Беседная гора, и на той горе — часовня и молебствие бывает каждодневно в день сошествия Святого Духа.

(С. 8—10)

Ехал Петр Первый на свои чугунные заводы. В Святозере — остановка: лошадей переменяли.

Зашел Петр Первый в избу и видит: суетятся, бегают.

— Что, — скаже, — за беготня?

— Бог дочку дал, — в ответ ему хозяин.

— Ну, — скаже, — проздравляю, а меня проздравь с крестницей. Посылайте за попом.

Хозяин хотел было промышлять куму.

— Вот кума, — скаже царь, — чего лучше, — и кивает на старшую дочку.

Пришел поп, окрестили. Пошло угощенье. Водку на стол подали. Петр Первый пошел в свой чебодан и добыл оттуль свою чарку. Налил себе и выпил. Налил куме и потчует; застыдилась кума, не пьет. Петр Первый спрашивает. Не пьет.

— Выпей, — говорит отец, — не спесивься; ничего ведь; коли царь просит, надо выпить.

Дочь выпила и красиеет. Любо царю, что девка зардела, и почал он шутить с ей и пуще стыдить. Снял с шеи кожаный галстук и повязал на ейну шею девочью; с рук — перчатки, долиной по локоть, и надел на ейны руки белые; затым пожаловал ей свою государскую чарку, на память, что водку пил.

— А что мне-кова крестнице дать? — Проговорил царь. — Ничего с собой не прихвачено. Экая она несчастная! Ну, — скаже, — в другой раз буду — не забуду.

Приезжает другожды на заводы с государыней.

— Я, — скаже, — здесь крестил у кого-то. Наб бы пожаловать; оногдась¹⁵ ничего со мною не случилось.

Отыскали, у кого крестил Петр Первый. Государыня наприсылала бархату, парчей и всяких басистых¹⁶ материй, а опять-таки куме, а крестнице опять ничего.

Вот уж доподлинно, не мимо идет царское слово: как назвал ее несчастною, так и было. Государева крестница выросла, жила, а всю жизнь была кокоша¹⁷ горегорькая.

(С. 10–11)

Часто ездил в нашу лесную сторону Петр Первый. Где нунько Петрозаводск (губернский город), тут стояла только мельница с избой. Приехал Петр Первый и поставил тут завод чугунной, церковь во имя Петра и Павла и сад насадил. Приде, скажут, в завод и своима царским руками крицы¹⁸ дует, а бояра угодые носят; в молотобойню завернет и

молот в руки и железо кует, и это железо в Питере, скажут, у какого-то барина до теперь хранится.

Вот оно царь так царь, даром хлеба не ел, лучше бурлака работал.

Зап. от В. П. Щеголенка.

(С. 13)

<Блаженный Фаддей> жил на Петровских заводах, и будто бы Петру Великому был очень люб, и ходил к нему во дворец когда хотел <...>

В последний раз Петр Первый имел разъезд на заводы. Уезжает он и говорит на прощанье:

— Прощай, Фаддей, в молитвах поминай и на путь благослови.

Фаддей отвечал:

— Господь Бог благословит вхождение и исхождение твое отныне и до века.

Сам плачет и слезы ронит:

— Не бывать, — скаже, — не бывать, надежа государь, не бывать в живых.

Царь заметил последнее слово и велел обрестовать юродивого.

На другой год, как пришла к нему смертная немощь, он вспомнил о блаженном Фаддее; послал гонца на Петровские заводы, приказал освободить от ареста и производить ему до смерти пенсион.

На иной год умер и сам блаженной Фаддей.

(С. 12–13)

Однажды Петр Первый поехал воевать со шведом и патриарху велел служить наскоро, а тот развел обедню надолго. Юрячен был Петр Первый, не мог вытерпеть, что растянул патриарх службу долгую, не выждал конца и уехал в поход под шведа. И тот поход его был ему несчастливой: под Нарвой попался он в обток и сам едва спасся.

Приехал он домой с горячностью и хотел патриарху из своих царских рук голову срубить. Патриарх, в усмирение его, встретил его во всем облачении и с крестом в руках. Петр Первый к кресту приложился, закручинился и говорит патриарху:

— Ах, старец, — говорит, — сгубил ты меня.

Тогда старец ему в ответ:

— Царю! Пошто ты не дождался окончания литургии и молебна; я бы, — говорит, — дал тебе мир и благословение, и был бы поход твой счастливой и благополучной.

И говорит Петр Первый:

— Да как же нам теперь будет Россию спасать?.. Нет у нас орудий, ни меди нету, ни пушек.

Тут патриарх на это слово:

— Не печалься, — говорит, — царю, это еще не беда, что пушки у нас отняты: с каждой колокольни, — говорит, — можно снять по колоколу и отлить орудия. Затым отслужим молебен, и я дам тебе мир и благословение, и господь пособит тебе покорить шведов.

Так и было сделано.

Как патриарх отпустил его с благословением, тогда он победил шведа и разбил Карлу; Карло не знал, куда деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр Первый: «Выслать оттуда Карлу!»

Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своим руками убил.

Дело дошло до Петра Первого.

Услыхал он это, усмехнулся и руками сплеснул о стегна:

— Ах Карло, Карло, — говорит, — где ни ходит, а везде воюет.

Карло был широкой, росту среднего, плечистой, настоящий был воин, да на война попал: Петр Первый ему не уступал.

Зап. от И. А. Касьянова из дер. Космозера.

(С. 15–16)

Покуда Ладожскую канаву копали¹⁹, пашнортов ни с кого не спрашивали: всякое звание приходи и копай. Многие разжились и разбогатели. Приезжает однажды Петр Первый на канаву и видит: народ копает в большом уборе, в наряде и красе-басе.

— Ай да, — говорит, — молодцы! Знают денежки нажить.

А тут капиталов стало мало хватать на канаву, и взять нигде. Тогда Петр Первый умысли на каждой версте сделать кабак. Через несколько времени опять приезжает он

на канаву и видит этих же самых копальщиков в самых худых одеждах, другие даже в кулях рогожанных ходят и работают. Рассмеялся Петр Первый, сплеснул руками и говорит:

— Ай да молодцы! Знают денежек нажить, да умеют и пропить.

И об этом поется песня до настоящего времени:

Мы канавушку копали,
Все ю проклинали,
На канавушку на конях,
А с канавушки-то пеша.

(С. 17)

Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края // Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1877. Кн. 4.

Из предисловия:

«Предлагаемые сказки (...) записаны мною от крестьян Олонецкой губернии Петрозаводского уезда, Щеголенкова и Грешникова».

В Архангельской губернии есть селение Важмосолма. Название само за себя говорит, что оно финского происхождения. Но здесь бывал Петр Великий — и этого было достаточно для следующего сказания.

Ехал государь в Архангельск; к этой деревне подъезжает и видит: жнут девки и бабы — в баше красе — что твой маков цвет, и песни поют — что твой соловей заливаются. Загорелась душа у царя Петра Первого, заискрились очи ясные, сколыхалась грудь его белая, закипела утроба богатырская.

— Стойте, — говорит он. С коня слез. — Здесь пир устрою, — говорит, — на весь мир.

Велел он тут из снопов столы сделать и скамейки, и кушанья варить, и вино курить. Рассадил по местам, кому где быть надлежит, баб с мужиками, а девок с молодыми парнями, и давай угощать. Петр Великий все хохотал, а девки и бабы ему песни пели. Одна песня в особь ему при-

любились, и как спюют, — еще, скажет, девоньки, спойте.
Девки пели:

Собирайтесь, бояре, на совет,
Собирайтесь думу думать государеву:
Время тяжкое подходит,
Хочет турка воевать.

Слышит он эту песню и голову свою наклонил и думает, а парни и девки развеселились — не дают ему думу думати. Снопы разбросали и стали разноличные игры водить и плясали в размашистую.

— Вот так важная солома, — сказал будто бы Петр Первый.

И с этих-то слов государевых стали будто бы звать место Важмосолама.

(С. 34)

Ехал государь Петр Первый от Повеца. На Волозере, за 9 верст, остановился и видит: старик седой в поле с малы-ми ребятами, значит, пашет и сеет хлеб. Государь видит, что старик уже стар, а ребята малы, и спрашивает:

— Давно ли снег на щелье¹?

Старик отвечает:

— Уже тридцать лет, надежа государь.

Государь опять говорит старику:

— Что же поздно встал?

Старик отвечает:

— Я и рано стал, да подкнулся.

Государь говорит:

— Ты бы в другой раз встал.

Старик отвечает:

— Я и другой раз стал, да подкнулся.

Государь:

— Ты бы в третий раз.

Старик:

— Я и третий раз стал, да опоздал.

— Ну так знаешь ли, — говорит, — гусей щипать?

Старик:

— Да если придется, так сумею.

Тогда Петр Первый господ к старику посылает:

— Идите, — говорит, — узнайте, что со мной старик говорил.

Господа приходят и стали его спрашивать и стали ему денег давать, чтобы старик рассказал, что с царем говорил. Старик деньги обобрал и толкует:

— Давно ли снег на щелье, — говорит, — государь спросил про волоса: давно ли волоса седые. Я, — говорит, — говорю, что тридцать лет. Затем государь спросил, что же долго не женился. Я, — говорит, — говорю, что женился, да жена померла, т. е. стал да споткнулся. «Ты, — говорит, — другой бы раз». Я, говорю, и в другой раз женился, да жена опять померла. Он говорит: «Ты бы и в третий раз». Я и в третий раз женился, да уж очень матерым, годы ушли, от того у меня и дети малы. «А знаешь ли гусей щипать?» Гуси — это вы. Я, — говорит, — общипал вас, то есть деньги обобрал — за то, что вы не понимаете речей государевых.

Господа воротились к Петру Первому. Он спросил их, что вам старик говорил.

Они все пересказали, и это им к стыду пришло.

(С. 35–36)

Царь и государь собрался на Васильевский остров к корабельному строению со многими солдатами. Был тут один простой солдат и говорит:

— Петр Алексеевич, государь великий! У меня жена сына родила. Желает ли ты ко мне кумом?

— Как не желать — желаю, солдат, возьми.

Солдат и говорит:

— Государь Петр Алексеевич! В такой день обедать ко мне прошу покорно.

Государь ответ держал:

— Когда ты ни позови, я всегда готов.

Приказал солдат жене справить:

— Государь сам будет обедать со мною паряду.

И накупил солдат всякой водки кума попотчевать, Петра Алексеевича, государя великого. Время то приходит, чтобы обедать придти от строения корабельного, с Васильевского острова. Солдат и говорит:

— Великий государь Петр Алексеевич, кумушко! Пойдем же обедать ко мне.

Пошел великий государь к куму обедать. Приходит. Кума встречает их радостно. Кум и говорит:

— Жена! Давай выпивку на стол.

Государь видит на столе всякие водки и говорит:

— Надевайся-ко, кумушка, да подем-ко, добро, взад на строение.

Пища набрана на столе, а они пошли взад на строение на Васильевский остров.

— Скидывай-ка, кумушко, шинель.

Кум шинель скинул, постлал на землю.

— Ложись, кумушко, на шинель.

И лег кумушко на шинель. Государь говорит:

— Трижды палкой ударить его.

И трижды палкой ударили по царскому слову.

— Вставай, кумушко, надевай шинель и теперь пойдём обедать.

Приходит в дом к солдату — к куму. Налил кум великому государю рюмку водки.

— Государь, — говорит, — дорогу покажи, потом и я.

Стали есть и пить и кушать; увеселили свои головы. Государь и говорит:

— Кумушко, прости меня, что я почтил тебя: я ведь с вас водки не требовал, а что Бог послал, с тем я у тебя пообещаю бы. И для царя солдат не должен расточать копейки.

После этого обеда выходит великий государь на корабельное строение и сыну приказ отдает:

— Теши брус без нитки прямо.

Тесал и припортил. Великий государь с конца посмотрел в отвес. Брус во многих местах спорчен. Сердце его не могло стерпеть. Рассердился, взял анышук² на корабельном строении, на Васильевском этом острове, ударил сына по плечам. Мог сын после этого удара только трои сутки жить и кончился.

Государь великий Петр Алексеевич написал своей рукой: «Отцу только в наказанье за сына класть на трои сутки на овес и на воду».

(С. 36)

Однажды ехал государь Петр в Архангельск по большой дороге, приехал и крестьянину и видит, что живет исправно, по приезду видно, на сарае корму, под окном дров, на дворе скотины много. И спрашивает государь:

— Что, крестьянинушко, хорошо ли тебе жить? Кажись всего у тебя в сытость.

А крестьянин отвечает:

— Нет, надежа государь. Мы работаем, стараемся; вот как господа-то живут противу нас, так далеко лучше.

Тогда Петр Первый говорит:

— Ну к моему приезду назад выкорми ты быка, чтобы был он жирен, а сердце в нем было черно.

Государь уехал, а крестьянин закручинился: как выкормить быка, чтобы был жирен, а сердце в нем было черно? Потом стал он ходить по кабакам и расспрашивать, как бы выкормить быка, чтобы был он жирен, а сердце в нем было черно.

Один приятель вызвался и говорит:

— Экой ты! Купи, — говорит, — медведя и поставь медведя и быка в одну конюшню и корми их сыто. Как медведь, — говорит, — рехнет, а бык медведя ужаснется и назад присядет, он будет думать, что медведь его съест.

Так крестьянин и сделал: медведя купил и в угол быка поставил и кормил до приезда царского. Петр Первый оборотился, опять заехал к крестьянину и спрашивает:

— Что, — говорит, — выкормил ли быка?

— Выкормил, надежа государь!

— Ну убей, — говорит, — его, посмотрим, таков ли он, как я хотел.

Как быка убили, так действительно оказался таким: был он жирен, а сердце в нем гнилое, черное. Государь и говорит:

— Ну расскажи же теперь, как ты быка купил, что разное у него мясо, и как ты сердце гнилое в нем сделал.

Крестьянин в ответ ему:

— Надежа великий государь! У меня в конюшне в одном углу стоял бык, а в другом медведь; как медведь рехнет³, бык так назад и сядет, оттого сделалось в нем и сердце черное.

Тогда государь и говорит:

— Так, — говорит, — и господин живет, которому завидуешь ты: сегодня во всем у него продовольствие, а сердце все в нем тлеет, как под суд не попасть. Завтра может лишиться всего и остаться без куска хлеба. А ты, — говорит, — гретишь, что Бога не славишь: поработал ты, лег спать и руки за голову. Подать отдал и ни о чем ты не тужишь. Сердце у тебя спокойное, не тлеет оно, как у этого быка.

Так государь и разговор кончил.

(С. 36—37)

Послал государь старшего брата Федора князя Гагарина в дальнюю Сибирь управлять Сибирью. Той устроил дворец, и мал ли, велик ли, повывозолотил; кареты завел и повывозолотил; лошадям клал подковы серебряные. Налоги наложил большие, от нового налога более и более, и в третий раз еще более. Тут собрались сибиряки в сходку: надо, ребята, идти к царю в Питер просить добра. Избрали трех человек в мирском сходе и дали денег часть на ходьбу, и они отправились к Петру Алексеевичу Великому в Питер просить добра. Прошло полгода, людей этих не видно взад. Прошел год, людей не видно взад. «Выберемте еще трех человек». Выбрали другой раз трех человек. Прошло июл-года, их не видно. Прошел год; их не видно. «И что, честное общество, выберемте еще трех человек третий раз». Опять выбрали трех человек. Прошло полгода, их нету, прошел год, их нету. «Ну что, ребята, честное общество, нам добра не видать, видно, с Гагариным, станем искать человека хоть единого, не может ли добра сотворить». Собрались в сходку опять и просят человека, который живши в Петербурге из молодых лет:

— И что, братенке, подымись к Петру Алексеевичу добра просить к царю, к великому государю.

— Идти иду, други великие, да не имею капитала на хлебный кусок.

— Ну пойдешь, хоть малейшу частицу бедну да складем.

Наклали денег ему 50 рублей на хлеб, и отправился он в Петербург, и приходит этот сибиряк к царскому двору: пашет¹ человек панель метлюю.

— Здравствуй, батюшка! — Сибиряк поклон ему делает.

— Изволю спросить, откуда ты, странный человек?

— Я, батюшка, из Сибири есть, избран я от общества к государю Петру Великому просить добра: отяготил Гагарин всима налогама большима. Избрали в обществе трех человек и ждали их полгода, их нету, ждали год, их нету. Избрали другой раз трех человек, ждали их полгода, их нету, ждали год, их нету. Избрали третий раз трех человек, ждали полгода, их нету, ждали год, их нету. И я в молодые годы жил в Питере, и стали меня просить обществом: «поди, — говорят, — попроси у Петра Великого милости», и денег мне йоны собрали 50 рублей на хлебы.

Поставил этот человек, который панель метел, метлу в уголок.

— Иди за мною вслед, — говорит.

Ввел к себе в дом.

— Ты человек с пути, — говорит, — сегодня скидывайся и разувайся.

Домовому отдавает приказ: кормите странного человека сибиряка, чтобы он не был ни голодный, ни холодный — и вам только сегодня и работы.

День прошел, приходит домохозяин. И изволил этот сибиряк спросить:

— Да кто ты есть, батюшко, объясни-ко о себе.

— Я шут Балакирев, — сказал он. Ночь прошла у них спокойно, а поутру шут Балакирев и спрашивает у сибиряка:

— Кто же тебе напишет прошение здесь к Петру Алексеичу-царю?

— Да не знаю, батюшко, уж ты не скажешь ли?

— В таком-то, — говорит, — месте генерал отставной служит во дворце 25 годов, он может написать прошение. Может, — повторяет Балакирев, — я знаю, может. Ну только тебе сегодня и работа: сходи и прошение напиши.

Сходил, прошение написал, приходит домой, подождал домохозяина Балакирева до вечера. Воротился Балакирев от Петра Алексеича со дворца, и показывает сибиряку прошение: «Написал», — говорит.

Ночь прошла у них спокойно. Поутру стал Балакирев уходить на рынок:

— Не уходи никуда, — говорит, — меня жди.

Кунил он на рынке четыре решетки⁵ со птичками и приходит домой и этому говорит сибиряку:

— Надевайся, пойдем.

Приходят ко дворцу ко царскому и ставит его у ворот дворца и говорит:

— И ты стой тут, и прошение держи в руках, потом станут врата отпираться, подыми прошение на голову и пади правой ногой на коленки; ворота отворятся, выбегит кобель стриженной, кобель наперед, государь сзади за кобелем, и я тут буду.

Оборотится этот Балакирев от сибиряка. Вот то время приходит, что государь, ставши в покои, расхаживает по комнатам своим. Балакирев выходит против царского окошка, на панели стоит, вынимает решетку с пазухи, отворяет дверцы, вынимает птичку с решетки: бросил об панель решетку и птичку разорвал, бросил и растоптал все на панели это. Государь в комнатное окошко смотрит, что Балакирев сотворяет. Вторую решетку взял с пазухи, отпер дверцы, вынял птичку, решетку бросил об панель и растоптал, птичку разорвал и бросил об панель. Государь в комнатное окошко смотрит, что Балакирев сотворяет. Вынимает он третью решетку, отпер дверцы, вынял птичку, решетку бросил об панель и растоптал, и птичку вынял из решетки, разорвал, бросил об панель и растоптал. Государь в комнатное окошко смотрит, что Балакирев сотворяет. Вынимает четвертую решетку, отпер дверцы, вынял птичку и подрочил^б ее и взад в решетку положил и в пазуху решетку клал со птичкою. Государь в комнатное окошко смотрит, что Балакирев сотворяет.

Тотчас Балакирев приходит к царю во дворец, и государь его спрашивает:

— Что ты сотворял против моего окна на панели? Решетку вынял из пазухи со птичкою и птичку вынял и решетку бросил на панель и растоптал и птичку также, и вторую решетку вынял из пазухи, также бросил на панель и растоптал, и третью решетку бросил на панель и растоптал, и четвертую вынял из пазухи решетку, а той не бросил, отпер дверцы, вынял птичку и ю ты подрочил. Это что же такое, Балакирев?

— Алексеевич! А три-то решетки царские, а четвертая решетка господская.

Та минута приходит, что надо прохаживаться около дворца Петру Великому. Отпирает телохранитель дверь, ко-

бель наперед царя вышел стриженной, государь вслед за кобелем, а за ним Балакирев. Сибиряк стоит на колены, прошение вознято на голову. Проходит Великий Петрей, берет прошение с головы и говорит Балакиреву:

— Где сей человек изволит быть?

— Алексеевич! У меня на фатеры, — чтобы был он кормленный и поеный и теплом бы не обижен был.

Государь прошел, и этому человеку поворот на фатеру.

День прошел. Балакирев приходит домой со дворца и говорит сибиряку:

— И ты своим разумом не отправляйся, докуда я тебя не отправлю. Государь Петр Алексеевич приказал написать посольную грамоту в дальнюю Сибирь и отправил туда человека с этой грамотой, и в грамоте написано: «Гагарин, требует тебя Великий Петр в Петербург».

И поехал гонец в дальнюю Сибирь. Скоро скажется, тихо деется. Приезжает этот посол с посольской грамотой в дальнюю Сибирь, приходит ко Гагарину князю и наместнику во дворец; отворяе ворота на-пяту⁷, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре стороны поклоняется, а Гагарину князю в особину. Грамоту посольную на стол выкладывает, на тот ли стол да на дубовой, на ту ль доску да золоченую, сам на словах выговаривал:

— Ай же князь да ты Гагарин! Государь ли наш Великий приказывает тебе в Петербург.

И говорит Гагарин ему на-место:

— Скажите, что Гагарин не едет.

Приезжает гонец взад в Петербург, является пред царские очи и царю докладает, что Гагарин не едет.

Государь приказывает вторую грамоту справить посольную. Вторую грамоту справили и посла отправили. Скоро скажется, нескоро деется. Приезжает с посольской грамотой во дальнюю Сибирь и входит во дворец к Гагарину, отворяе ворота на пяту; крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре стороны поклоняется, а Гагарину делая поклон в особицу:

— Тебя, князь Гагарин, великий государь требует в Петербург.

И ответ держит Гагарин:

— Скажите, что не едет.

Приезжает писано взад, является к царю и докладывает, что не едет Гагарин. Приказал тут государь написать грамоту посульную и подписал своею рукою царскою: и взять Гагарина с камбоем из дальней Сибири. И отправился человек с посольской грамотой. Скоро скажется, не скоро дело делается. Приезжает человек в дальнюю Сибирь. Входит во дворец ко князю Гагарину, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на дви, на три сторонки покланяется, а князю Гагарину в особицу. Грамоту посульную выкладает на тот ли стол да на дубовой, на туль доску да золоченую. Берет Гагарин грамоту во свои руки, и прочитал он грамоту от начала до конца. И сказано в той грамоты посольной: «Взять с камбоем изо дальней Сибири. Великий государь его требует».

Убирался Гагарин из дальней Сибири и на рожденное место приехал. Назначен день у Великого царя, и все войска, что в Петербурге есть, на Семеновский парад выставить, и чернядь⁸ мужиков: кто волей идет, а кто неволей, нудить надо.

Тут весной государь возговорит:

— Господа енералы и полковники! Сегодняшний день в пятом часу будет грешник вешаться в петлю: царица по-смотрит из дворца в окно — и ушибут ю оммороки, и отведут от окна и положат ю на кровать в угол.

И собрались все войска и множество — чернядь, и с енералами и дворецкими ходит государь по парату и с Гагариным Федором — большим шурином и с малолетним внуком от роду восьми годов. Внук и говорит дедушке:

— Дедушка Петр Алексеевич! Как по Гагарине есть заступщики и печальщики, а по моем-то родителе батюшке не было ни заступщиков, ни печальщиков⁹. Когда строил ты, дедушко, корабль на Васильевском славном острове, убил ты моего родителя батюшку — сына своего на корабельном строении.

И множество народа в парате — и никто ничего не говорит, множество войсков на парате — и никто ни слова. Одна мушка летит паратом — тот только гул и слышно, и это дело было серед красного лета. Вдруг государь вынимает платок из кармана и подтирает у себя глаза, отдает

приказ весить грешника в веселицу. Устроено место три ступеньки от земли. Подняли люди под руку и под другую князя Гагарина на эту площадку. И увидала царица князя Гагарина, и ушибли ю оммороки. И повесили в петлю невольника и грешника — по царскому слову, и этот грешник висел в петли, докуда могла быть кожа на костях цела. Кожа прокисла, кости его высыпались на землю. Вдруг государь даёт слово:

— Возьмите сшейте мешок с самой толстой кожи воловией.

И взяли мешок и собрали в него кости, с петли повесили — и висел этот мешок, докуда не пропал. И дивился тут народ, что государь так истребил сильного и славного князя Гагарина, пожалел он своих верноподданных всех сибиряков вообще. Одного же грешника лучше погубить, чтобы попленить всю дальнюю Сибирь.

Ну, тебе старинушку славу поют.

(С. 37–39)

Майнов В. Петр на Олонце // «Дело». 1883, № 6, 7.

Владимир Николаевич Майнов (1845–1888), известный этнограф, много работал на Севере, объездил места Олонцкой и Архангельской губерний, где бывал Петр, и записал предания о нем от непосредственных потомков тех северных крестьян, которые видели Петра или являлись участниками дел, совершавшихся по его указам.

<В Тихвинском уезде «и до сей поры» помнят, как в 1700 году искали «нетчиков», т. е. уклонявшихся от воинского набора и рассказывают, как сам Петр Первый «ходил по дворам и вышибал» нетчиков.>

Прятался народ и в рундуки¹ и в погребца темные, ан глазок-то у осударя смотрок был да и ндрав угадливый. Едут с Балакирем по большой дороге и видят — стоят хоромы барские, самого главного боярина Шереметьева. Сам хозяин навстречу идет, кланяется, хлебом-солью царя привечает, а больше того любимую его анисовую водкою. Слово за слово — разговорились.

— Двое-де деток у меня боярских к своему делу приставлены, по твоему, государь, царскому указанию, как бы, то есть, немецкую науку произойти в фершалы.

— А позови-кась, — сказывает осударь, — сынков-то.

Пришли — у притолоки стали, ровно пни середь леса. Сейчас это осударь вынул пузырек, да и спрашивает у их, что к чему и от какой болезни существует. Не знают: ыкают только да к притолоке ближе придвигаются. Вынул другой, онять спрашивает, а ответ все тот же. Разгорелся осударь на старого:

— Такая ли, — говорит, — наука фершальская немецкая и то ли дело боярское, чтобы псов но задворкам гонять да

над бабами кудесничать! Лоб, — кричит и дубинкою измеряется.

Только вдруг и выходит из горницы дядька их старьей, боярский холоп, что на своих на руках их вынянчил, выпестовал.

— Царь, — сказывает, — батюшка! Не осерчай на меня на старого, дозволю слово молвить!

Ничего, дозволил, а только дубинку пуше прежнего ручкой жмет, а ручка-то легкая — шесть досок на верхний ярус сам не раз взнашивал. А дед-то и говорит:

— Они и здесь-то в тепле сопельки сами не утрут, не выморкаются, так где же им воевать! Дозволь и мне с ними итить с несмысленочками.

Как вскочит осударь с своо места да как хватит дубинкою по столу, так что и стол-то весь расселся на-двое.

— Эх ты мое боярство сопатое! Видно, век мужику твои сошли вытирать, а сам-то не домекнешься! — Да и заплакал батюшка, и слезно заплакал. Спасибо, Балакирь выручил своим словом шуточным, мужицким:

— Так-де, осударь батюшка, и в писании сказано: бояре-де на том свете будут в котлах кипеть, а мужики будут дровец подкладывать, ихней милости прислуживать.

Рассмеялся тут осударь, дядьку к своему сыну взял: этак-де люди мне требуются. А дворянских детей послал землю копать на канаве², а самого хозяина в приказные взял: тут-де и тебе с твоею фальшей место пригодное разыщется.

№ 6. С. 91–92

Гнали тогда народ изо всех мест, так что на тронах в лесу люднее стало, неже по селам и деревням. Осударь, бывало, выйдет к погосту из лесу да и кликнет клич народу: «Помогите, православные, отбиться от супостата, отогнать неверного!»

Ино волею народ шел, ино силою брали приказные, что следом за царем ехали и подбирали тех, кто слова царского не послушался. А царю то и невдомек, что приказные насильничают да охальничают. Только пришел он к Соловкам, где в ту пору крепость ставили³, привел охочий народ с собою да и стал, благословясь, рвы копать и землю сы-

пать; долго ли, коротко ли, видит еще шняв¹ десять с народом валит.

— Вы зачем? — спрашивает.

— Пригнали, — сказывают, — крепость строить.

Рассерчал государь свирепостью и всех приказных расказнил:

— Мне-де вольный народ надобен, а не сбитый! Вы что ли землю-то пахать будете за них да подати платить? Как смели мою волю менять! Я их на месте на семена оставил, а вы куриным своим умом по-иному раздумали.

Так и угнал народ восвоися, да еще все имение от приказных отобрал и народу отдал: «Было бы-де вам чем мне подмогу сделать, когда потребуется».

№ 6. С. 93–94

И у нас в Палеострове⁵ было в те поры восемь колоколов, и очень отцы за них стояли — очень уж звон хорош был у них. Однако Петр Первый и из наших колоколов семь штук отобрать велел и на судне свезть на завод в Питер⁶. Повесили наши отцы носы и стали к государю приставать, чтобы он смилостивился и колокола монастырские оставил по-старому.

— А зачем вам колокола? — спрашивает царь.

— Созывать народ к божественному песнопению, — отвечают.

— От вас звона не услышат — в другую церкву пойдут! — говорит царь.

А монахи-то ему: «Умалится-де слава святых угодников соловецких и палеостровских».

Государь ничего не ответил, а только приказал всем монахам с игуменом сесть на судно и ехать вплоть до Шунги, а там во все уши слушать, что будет, и, вернувшись, обо всем ему доложить. А сам велел в колокола перезванивать и три раза из пушки палить. Через несколько времени вернулись монахи.

— Ну что же вы слышали? — спрашивает государь.

— Слышать нам было, будто кто трижды из пушки стрелял, — отвечает игумен.

— Ну то-то вот и есть, — сказывает Петр Первый, — колоколов-то ваших и не слышали — небось они до вас славу

угодников не донесли, а пушки-то мои мою славу до вас донесли; так уж лучше давайте мне ваши колокола, я их на пушки перелю — авось они славу ваших угодников не то что до Шуиги донесут, а и до самой шведской столицы, Стокгольмского города.

Рассказал старик-монах в Палеостровском монастыре.

№ 6. С. 95

<В 1702 г. в Архангельске и районах Севера шли большие работы по срочному укреплению против шведской опасности.>

Подходил Петров день, а шведы все не являлись. Любил Петр проводить этот день весело, и хотя сильно беспокоился по части вестей из Швеции и от Шереметева, но все же отпирывал свои именины на славу. Трое суток в Архангельске было разливанное море, и все иноземные шкипера и матросы пировали с царем в его помещении, тогда как для народа по улицам стояли распиленные надвое бочки с вином и пивом.

(...) Приезжал осударь именины свои справлять в Архангельский и поделал по площадям колодцы, а из колодцев трубы пустил, и вино из них ключом било — подходит всяк с ковшом да и ней за его здоровье. Всякого тут народа много было: и немцев, и наших. Осударь-то из своей горницы в оконце глядит и видит — стоят немец да наш вытегор⁷: пить не пьют, а что-то порандуют. Немец-то изпод жилетки кишку выпустил да вместо того, чтобы вино то прямо в рот лить, все в кишку цедит, а кишка та длинная и несколько раз вокруг его обернута. Ничего осударь не сказал — только посмеялся немецкой хитрости, что немец и сам выпил, да и жене с детками норовит снести и для того особый струмент придумал...

Глядь, вытегор скрылся... Поискал его осударь глазами-то, а он уж глубоко в землю вкопался... дальше больше... подкопался под самый колодезь, принал губами, да так с час места и не отрывался, пока там и успокоился. Отошел осударь от оконца да велел всех немцев к себе в гости звать, чтобы перед его глазами вино пили, а вытегора приказал вытащить и водой отлить.

— Зачем это ваше величество немцам такой почет делаете? — спрашивают у него бояре.

А он рассказал им все, что видел, да и говорит:

— Немца я нарочно на глазах держу, чтобы, о семье думая, он и окромя вина чего бы не поворовал, а русский — не беда! О семье не думает, а как до корня доберется, так только сам пьян нальется.

№ 6. С. 102

<В связи с планом Петра Первого — провести армию непроходимыми дотоле местами Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губ. (1702 г.) — к Нюхче были согнаны каргопольские, онежские, белозерские крестьяне — рубить просеку, класть мосты. Сам Петр участвовал в работах, рубил, подставлял катки, учил мужиков.>

Тут под Пулозером выдалась речка, да такая ли бурливая, да такая ли бедовая, что не выгорает дело — никак невозможно посередке свайки вбить. Кто ни сунется с лодкой — Бог весть куда унесет его и с лодкой-то! Долго приглядывался осударь, а там сел в лодку, да прямо на середку-то и держит; бояре было за ним в его лодку суются, так: «Не надо мне вас, и без вашей помочи Бог даст, спорандаю». Только он на середку-то выплыл да принялся было первую свайку налаживать — глядь, к нему народу с сотню уж собралось, кто в лодке, а кто и вплавь, барахтаются, чуть-чуть против воды держатся. Поглядел на народ-от осударь, поглядел, покачал головою да потрянул кудрями своими (а кудри-то были — добро чистое):

— Эх вы, — проговорил, — народ хрисьянский, детки вы мои родные! Лиха беда первому оленю в гарь (лесной пожар) кинуться, — остатнии все там же будут.

И стал он тут народ поить, тот народ, что за ним в реку кинулся.

№ 6. С. 109

У Нюхчи, а потом и везде по ямам первую мостовину, благословясь, клал сам осударь, а вторую давал класть своему сыну возлюбленному, а там и бояр на это дело потреб-

лял. Немчин один не похотел ему уважить и мостовины^н класть, так рассерчал на него осударь — приказал ему позади последнего солдата стать и на ямах^у солдатам за стряпуху рыбницу варить. Натерпелся немчик сраму — стал и мостовины класть и другую всякую работу робить не хуже самого осударя.

Вариант:

Боярин у осударя заартачился, сел под лавочку да сладкие пироги и убирает. Увидал осударь его леность и приказал ему обрядиться пирожником да на ямах пироги-рыбники народу разносить. От такого сраму стал боярин в тапору куда как изделен.

№ 6. С. 109—110

Для осударя и бояр ставили зимушки (промысловая избушка с земляною крышею), а народ с солдатами кто как мог изловчался, — кто по зимушкам, кто на лавасы¹⁰ взбирался, а кто и на земле отдых имел. Из окрестных местов ли рыбу, олешину, а от Чюхчи привозили муку аржаную и другой припас, что на месте достать было не мочно. Не любил осударь в зимушке быть — все больше на вольном воздухе; иной час и бояр туда повыгонит, чтобы не долго засыпались. Кушать изволил куда просто: что солдаты из ружья набьют — то и скушает; кашу кушал солдатскую и рыбницею не брезговал; присядет к котлу, ложку вынет и похлебает.

Случилось ему с Балакирем у бабы кваску репного выпить, и пошли у них от того квасу животы пухнуть. Балакирь-то кричит бабе: «Тетка, нам от твоего кваса приспело», а осударь засмеялся, взял ковш, зачерпнув еще квасу да и выпил.

— Делай, — сказывает, — по-моему: от русской хворости и лечиво русское — колом кол вышибай.

И что же? Осударю сразу полегло, а Балакирь до той поры по земли катался, пока сам не выпил.

№ 6. С. 111

Зачастую Петр Великий обедал и ужинал у князя Меншикова. В одно время звал князь государя к обеденному

столу, к которому приглашены были также все иностранные посланники и многие знатные лица. Дал государь слово, но перед обедом вздумал осмотреть работы в Адмиралтействе. Покончив все дела, поехал он к Меншикову в своей одноколке, только вдруг на пути его матрос стоит на коленках. Государь остановился и спросил у матроса, чего он хочет.

— Бог даровал мне сына, а тебе, государь, матроса; удостоить посетить его, — отвечал матрос.

— Далеко ли ты живешь?

— Близко.

— Ладно, ступай вперед!

Государь поехал за ним и вошел в его избу. Родильница поднесла ему на деревянной тарелке чарку анисовки, а государь, поздравя ее с сыном, вышел и положил на тарелку два серебряных рублевика. На столе стоял тут пирог с морковью и яйцами — государь и пирога того попробовал.

Между тем хозяин принес чашку горячих щей и сказал государю:

— Хотя отведай, батюшка, матросских-то щец.

Отведал он их, понравилось, присел и довольно-таки покусал. А там, выпив стакан пива, пожелал государь хозяевам доброго здоровья и поехал к князю Меншикову. Приехав к нему уже в третьем часу, государь просил у гостей извинения, что заставил их так долго ждать:

— Бог даровал мне нового матроса, — сказал он, — и не мог я отказать его отцу, чтобы к нему не заехать и щей его не отведать.

№ 6. С. 113

Привелось осударю и в наших местах побывать. О ту пору он у моего падеда (предка) дитя крестил. Был мой падед человек куда бедный: ни мучицы в рыбницу посыпать, ни винца выпить нету. Родился у него сын, и стал падед обивать пороги да кланяться, чтобы кума разыскать, да никто к нему в кумовья идти не зарится, а еще и с ругом со двора гонит. О ту пору и пришел осударь в наш погост.

— Ты что, старик, бродишь? Иль что потерял?

— Так и так, — говорит дед.

— Возьми меня, старик, кумом! Люб ли я тебе? — спрашивает. — Только вот что: не бери ты куму богатую, — зачем они к тебе добром не шли, — а найди ты мне такую ледащую какую ни па есть бабенку, и я с нею у тебя крестить буду.

И та, и другая богачки просят деда их в кумы взять, а падед разыскал самую что ни есть ледащую бабенку, что ходила по погосту и питалась именем Христовым, и привел ее к осударю.

Справили крестины истово.

— Ну чем же ты, старик, угощать нас с кумою будешь?

Сунулся было падед и в рундук, и в печь — да нет в доме ничего ровно.

— Видно, — говорит осударь, — моя анисовка ныне в почете будет.

Взял свою фляжечку, что у него на ремне на боку всегда висела, налил себе, выкушал, а там попотчевал и куму, и падеда, и рожаницу, и новокрещенному младенцу в роток капельку влил, — пусть-де приучается, — молвил, — от людей ему того горше будет.

Стаканчик отдал падеду — ишь под божницей-то¹² стоит.

№ 6. С. 114

Приехал осударь в Архангельский, зашел в палату и стал казны добиваться на разные нужды по войску. Приказные его облешили да и сказывают:

— Денег нету ни гроша, потому народ податей не платит; мы и бьем, и сечем, а толку все чуть.

Ничего осударь не промолвил, а приказал только мешков из-под муки изготовить и подать телегу. Царь приказывает — долго не провозятся: подали ему телегу, в нее мешков наклали, стоят и дивятся, куда это осударю ехать понадобилось. Сел в телегу и поехал. Приезжает в первое село, входит в первую избу самого что ни на есть бедного крестьянина, кланяется:

— Здорово, хозяин!

— Здорово!

— Не будет ли, хозяин, милости, хоть грошик дай — врага в Сибирь засудить.

— А кто враг-то твой? — спрашивает хозяин.

— Да все, — сказывает, — они же, приказные.

— Доброе дело задумал, брат, на такое дело не только грош, а и рубля не пожалею.

Объехал государь таким-то побытом¹² сколько-то сел, полные мешки денег наклал, больше тысячи собрал. Вернулся в Архангельский, собрал во дворец всех приказных.

— Натe, — сказывает, — деньги!

Те и разохались — откуда он столько денег взял?

— Дорого, — молвит осударь, — мне деньги эти достались — я целую сотню людей в кабалу продал.

Обрадовались приказные этим словам осударевым: «Ту-да-де им и дорога!»

— А коли так, — сказывает осударь, — так и ладно!

Да всех их и приказал тем самым мужикам в кабалу¹³ отдать. Так что ж ведь? И в кабале-то блудили — насилу мужики потом упросили осударя взять их обратно и сослать на канатное дело, канаты щипать.

№ 6. С. 116

<Выгорецкие раскольники (из Выгорецкого Даниловского монастыря) выслали на Выгорецкий ям своих старшин с хлебом-солью. Сильно боялись встречи с царем>.

Стоят выборные в сторонке и ждут, чего Бог изволит. Вдруг выходит осударь из зимушки, а с ним большой какой-то боярин, а может и генерал идет. Глянул царь на стариков и спрашивает:

— Что за люди?

— Это раскольщики, — торопится генерал. — Властей не почитают духовных, о здравии вашего царского величества не молятся.

— Ну а подати платят исправно? — строго спрашивает осударь.

— Народ трудолюбивый, — не мог не признаться тот ближний боярин, — недоимки за ними никогда не бывает.

Осударь засмеялся да и сказывает:

— Так вот что, братцы! Живите-ка себе на доброе здоровье! Об императоре Петре, коли претит, пожалуй, хоть

и не молитесь, а раба Божия Петра во святых молитвах ииногда поминайте – тут греха нет никакого.

№ 7. С. 119

<В царствование Петра Великого Повенец был простым селом, принадлежавшим Вяжицкому монастырю>.

Однажды государь с небольшой флотилией плыл по северной части Онежского озера, как раз близ того места, где впадает река Повенчанка. Не успели суда пройти небольшой остров, лежащий в одной версте от нынешнего города, как вдруг поднялась буря и началось страшное волнение на озере. Царская флотилия принуждена была от острова повернуть назад и пристать к берегу (с тех пор остров этот стал называться – Воротный).

Тут на берегу была церковь в честь первоапостолов святых Петра и Павла, так государь у попа совета спросил, можно ли ему идти в озеро. Поглядел поп на небо да и сказывает:

– На карбасе¹⁴ я проеду, а тебе, осударь, на больших судах идти не достоин; и суда растеряешь, и народ загубишь без всякой пользы.

Рассерчал осударь на попа и пошел в озеро. А поп на берегу стоит да и говорит:

– Я, осударь, с литургией тебя подожду!

Не прошли суда до Воротного, как стало их пошвыривать – поневоле осударю пришлось назад вернуться и в церковь зайти. Кончились обедни, подходит осударь к честному кресту и говорит попу с усмешкою:

– Не попом бы тебе быть, батя, а матросом! Спасибо за науку! Вижу, что повенецкий Петр куда будет посильнее московского Петра.

Поневоле пришлось Петру отложить все дело до завтра, но времени он не терял и распорядился тотчас же переписать селение Повенец в посад¹⁵, или рядок, отобрав его от монахов, а для того, чтобы последние не остались от такого распоряжения в убытке, приказал вознаградить Вяжецкий монастырь доброю деревнею в Новгородском

говорят еще, в тот же самый день было положено
ние и Повенецкому медноплавильному и железно-
вному заводу.

№ 6. С. 121–122

ит был осударь о ту пору и прислал суда строить¹⁶
йное поле> самого лютого генерала, а генерал как
лошкеры в избу, так ни разу и не вышел к народу.
юсьелись, поизносились и стали у генерала пере-
просить, в байню сходить и одежду полатать, а гене-
орюшка мало: к себе не допускает, а только выслал
мцев поручиков отогнать народ от квартиры; нем-
род бесстыжий — накинулись драться. Народ и за-
л и стал ломиться в генеральскую горницу; работу
или, инструмент весь пропили.

рех осударь вот он!

о что такое? — кричит из качалки. Весь народ при-
к ногам и рассказали, что они от генерала терпят.
ь кудерьками только взмахнул, а сказать — ничего не
приказал только позвать к себе генерала. Тот, что
ю в нем, к царю бежит, а он плотникам приказ от-
: генерала взашей и выгнали. Генерал без шапки на
ыскочил, а осударь его из окошечка ручкою манит:
о же, — говорит, — ты, друг мой, ко мне не войдешь?
опять в двери, а плотники опять его великим боем
гонят. Поучил осударь так-то генерала, приказал
кам его к себе допустить, да и сказывает:

аешь ли ты теперь, ваше превосходительство, как
тем людям бывает, кого холопы к барину не пуша-
тебе раз-наука, а как ты склонность большую к ино-
к пустынничеству имеешь, то по своей великой ми-
тебя от моей докучной службы увольняю, а садись
онекин маяк и маячь свой век одиноким — там тебе
докучать не будет.

и просидел генерал на маяке, пока осударь жив был
пошло женовластие.

№ 7. С. 71

го раз отдыхал Петр близь нынешнего города Вы-
на так называемой Беседной горе, и так как время

было жаркое, то царь снял свой камзол и положил тут же на траву. Пришло время снова приниматься за дело, а камзола-то уж и след простыл. Камзол был неплохой, а вытегры — не промахи; сгинул камзол царский, как в воду канул, и пошло по народу для вытегров шутивное присловье: «Вытегры — воры, камзол Петра Первого украли».

Так ли дело было, или же иначе, как рассказывают сами Вытегры, а только осударь рассмеялся и сказал: «Сам виноват! Надо было азямик¹⁷ надеть».

Вытегры уверяют, однако, что «камзолниками» дразнят их по своему неразумию, так как никогда они камзола у осударя не крали, а достался он от царя какому-то Грише, который выпросил его у самого Петра «себе и тем, кто умнее и добрее, на шапки, а шапки мы не только детям, но и правнукам запасем на память о твоей, наш батюшка царь, милости».

№ 7. С. 81

Вариант:

Прозвище вытегров — «камзолники» и «вытегры — воры: украли у Петра Великого камзол» — в настоящее время уже слишком популярно. О происхождении этого, в своем роде единственного по России прозвища служит несколько, и притом различного характера, местных любопытных преданий. Факт приобретения вытегорами царского кафтана произошел, по всей вероятности, в 1714 году, когда Петр Первый лично обозревал местность на р. Вытегре, на водоразделе бассейнов Волжского и Балтийского. Одно из преданий говорит, что когда государь переправился через р. Вытегру при дер. Шестовой, то неподалеку отсюда, на горе, встретили его представители местного населения, старики, и пока инженер Перри осматривал местность по поручению государя, они беседовали с ним, отчего и самая гора названа Беседной, а в память об этом обстоятельстве построили тут часовню. Во время этого разговора некий блаженный подошел к Петру, пал ему в ноги и выпросил у него на память камзол. Другое предание передает, что камзол действительно украли, с целью понашить из него шапок и повойников (женский головной убор) на память. Затем третье пре-

дание сообщает, что камзол похитили ребяташки. По четвертому преданию — похищение камзола произведено было с корыстным и преступным расчетом. Наконец, пятое предание говорит, что камзол утаили на память себе взрослые, но когда государь, спохватившись о нем, вспылил и пригрозил наказать похитителей кнутом, то одели камзол (был красный) на трехлетнего мальчика и посадили его на видное место, научив его, если кто станет у него спрашивать что-либо, отвечать: «обрядил». Государь вскоре заметил малютку, стал расспрашивать его о камзоле, но не мог ничего добиться от него кроме «обрядил».

— Пусть же ты будешь Обрядин, — сказал ему государь.

*Из очерка «Вытегорский погост» (без имени автора)
«Олонецкие губернские ведомости», 1884, № 98.*

И в войнах, и дома понудился осударь немало и стал болеть — и телом, и духом. Прежде, бывало, шутя молот поднимет, а теперь с нужею. Созвал он докторов заморских, и стали они ему говорить, чтобы ехал за море, на теплые воды, а то при его жизненности ему очень плохо быть может. А доктора те были шведским царем и салтаном турецким подкуплены, чтобы его к смертным водам за море отправить, где даже и муха от водяного тумана мрет. И болеть-то докучлива, и ехать-то не хочется, и пришел осударь в раздумье великое, как ему быть. В этом раздумье осударь и вышел прогуляться. Шел, шел, и не видал, как пришел на Кончезеро, а тут вдруг предста ему вьюнош из себя лицом блистательный и прорек ему: «Мужайся, Петр! Я воздвигну тя от одра болезненна». И повел вьюнош осударя в лес, и видяху ту коня бела и тоже видом блистательна, и удари конь копытом в землю, и источи земля струю водную, и потече вода, а вьюнош рече: «Испий и исцелися», и с тем поча быти незрим¹⁸. Тут осударь провидел, что вьюнош тот был святой исцелитель Пантелей¹⁹.

№ 7. С. 83

Вставал осударь до солнышка и променаж²⁰ себе делал, а там воды изопьет и указы писать станет, да так день деньской и пишет указы, потому ввечеру до сотни кульеров в

разные концы скачут — осударево слово развозят. О ту пору случилось осударю во время прогулки подойти к промышленной зимушке, а там двое промышленников живут и промеж себя разговаривают. Вот один и рассказывает:

— Вот кому жизнь-то привольная!

— Кому? — спрашивает другой.

— Да царю! Лежи целый день, а там отдохни от лежки-то.

Сейчас на тот же день приехал к зимушке от осударя посланный, забрал того промышленника, что житье царское хвалил, и привез его прямо к осударю.

— Вижу я, — рассказывает ему осударь, — твою добродетель и захотел тебя за то наградить; будь ты при мне вроде как лакеем, и вся твоя служба только в том и будет, что спи, когда я спать буду, и не моги глаз закрыть, пока я не лягу.

Обрадовался промышленник несказанно такому благополучию и стал уже азам снимать, потому осударь почивать ложился; только он азам-то скинул, а в двери-то и стучатся.

— Выдь, — рассказывает осударь, — да погляди, кто там.

Пошел он — царя нужно.

— Что тебе?

— На Москве хлебушка нету.

— Подай перо и бумаги.

Подали, и стал царь писать и прописал с час времени, а там стал читать и вычитал, чтобы из всех городов в Москву хлеб свозили и народу без процента взаймы давали.

Ушел посланный, а уж в двери иной ломится.

— В Питере по воскресным дням народ без тебя, осударь, работать гоняют и твои царские денежки бояре в карман кладут, а народ износился и впроголодь ходит.

И туда написал осударь указ, чтобы по воскресным дням народ не нудить и деньги платить, а ослушников повесить!

Ладно! Не успел кульер уйти, а в двери еще глядит:

— Смилуйся, осударь батюшка, вели правды сыскать! Воевода на Низу жен отбивает, животинки²¹ отнимает, в кабале держит народ православный.

У промышленника один глаз так и липнет, а у осударя ни в одном глазу сна нет, и сидит он и пишет без перестачи. Воеводу сменил, в Шлюшин в крепость послал, а наро-

ду за десять лет все подати простил. Солнышко в окошечко глянуло, а новый кульер ломится — глядь, ан это его же товарищ промышленник.

— Гони его! — Шумит осударь. — Спать хочу!

А у лакея-то и сон прошел, и азяма не накинуд — на улице в рубахе выскочил.

— Что приключилось?

— Плохо дело! Воевода пришел, зимушку разорил, все полесование²² на себя отобрал и тебя искать велел, хочет заместо своего холопа в ратники сдать!

Как кинется наш полесовщик к царю!

— Батюшка, помилуй!

А тот:

— Спи, брат, спи! Али не видишь, что я спать лег.

И взмолился полесовщик осударю, чтобы он от себя сон отогнал и спас его от воеводской неправды, а царь и говорит:

— А хороша ли, друг милый, жизнь царева? Полно весь ли он день лежит, а ночью от лежки отдыхает?

Понял тут полесовщик, что осударь услышал его слова неразумные, и покался.

— Так ты и знай, — проговорил осударь, — у тебя одна голова на плечах неразумная, а у меня на плечах все ваши неразумные головы. Ты об одной своей позаботился и спать не захотел, а как мне обо всех-то неразумных головушках думать надлежит, так и век я не усну, а усну — так сильный прижмет слабого, пойдет тягота и неправда, голод и безвременье и вражеское похищение.

Случевский К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. Том I. СПб., 1886.

Петру Первому, исследовавшему самолично все северные пути, Сухона была очень хорошо знакома, и память его живет здесь повсюду.

Недалеко от села Наремы ⟨...⟩ есть камень «Пролей кашу», о который толкнулось будто бы судно царевы и выплеснуло из тарелки его кашу.

Близ реки Юрменга, не доезжая Устюга, есть деревня, будто бы подаренная Петром какому-то лоцману: царь, рассердившись, сбросил лоцмана в воду, но лоцман этот, видя, что судно направляют не так, как бы следовало, плыл подле и продолжал распорядиться. Петр Первый наградил его деревней.

У деревни Черменино (на Сухоне) замечен с реки бьющий из скалы ключ «Васька». Чорт когда-то катил к реке камень, чтобы помешать судоходству или, как тут говорят, сделать «шакость», но закричали утренние петухи, он должен был оставить работу, не докатив камня, треснул по нему со злости рукою, и с тех самых пор бьет ключом «Васька».

(С. 195)

В одно из посещений Петром Первым Вавчуги* чуть не произошло нечто очень трагическое. Царь, обладавший, как известно, великою физическою силой и вспоминая, ве-

---

* Село близ Холмогор, принадлежавшее Бажениным (о них см. далее).

роятно, как остановил он в Амстердаме крылья ветряной мельницы, пообещал сделать то же самое и с водяным лесопильным колесом. Общий испуг за царя был велик. Петр, исполняя, однако, обещанное, подошел к колесу, и оно действительно остановилось. После узнали, как это произошло: Баженин слышал намерение царя и дал приказ вовремя остановить колесо. Петр расцеловал хозяина, давшего ему возможность исполнить обещание и остаться все-таки невредимым. На колокольне местной церкви, говорит предание, Петр Первый, бывало, звонил в колокола для потехи своей государевой милости.

(С. 237—238)

Записи Советского времени

Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступит. статья, примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

Ф. И. Господарев, белорусский крестьянин, участник революционного крестьянского движения 1905 г., затем рабочий Онежского завода, — один из замечательных сказочников довоенных лет. Честь открытия его принадлежит ленинградскому фольклористу Н. В. Новикову. Помимо предания «Петр Великий и кузнец» от Ф. И. Господарева записаны варианты сказок «Петр Великий и солдат» и «Беззаботный монастырь».

Вот Петр Первый приезжает к кузнецу на лошади.

— Подкуй-ка мне коня!

— Можно, — говорит.

— Только сделай подкову хорошую!

Ну, вот кузнец занялся подкову делать. Сделал подкову и подает ему.

— Что, хороша будет эта подкова?

Петр Первый усмехнулся:

— Хороша, да не совсем.

— Почему не совсем?

— Она, — говорит, — слабая.

— Ну не знаю, — говорит, — что она слабая.

Он берет в руки и разгинаяет эту подкову. Кузнец видит:

— Да, действительно, слабая.

Берется работать вторую.

— Ну а это — хороша будет?

Он и говорит:

— Да так себе.

И эту разогнул. Он берется третью делать. Третья готова.

— Ну, этой, пожалуй, можно подковать.

Кузнец сделал четыре подковы и подковал. Петр Первый и спрашивает:

— Сколько тебе за подкову?

— Четыре рубля.

Он подает ему рубль серебряный. Кузнец взял и сломал этот рубль.

— Да у вас и деньги фальшивые!

Он подает ему второй. Он и второй сломал.

— Да дайте, — говорит, — мне деньги хорошие.

Петр Первый вынимает двадцать пять рублей и подает ему.

— На, не ломай денег, то мы наехали коса на камень. Я подкову взломал, а ты рубли поломал. Видать, что сильнее ты меня. Ты знаешь, кто я такой?

— Нет, не знаю.

— Я — Петр Великий, ваш государь. Ну дак вот, работай, как работал, и сказывай людям, что государь ломал подковы, а я — его рубли. Вот мы с им и познакомились.

Петр Первый сел и поехал и сказал:

— До свиданья, кузнец, ты — хороший молодец!

И после того его не видал.

№ 55

Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)

(Издание подготовила Н. А. Криничная. Л., 1978.

Извлеченные из этой книги предания интересны тем, что записаны недавно, в 1971 г., Н. А. Криничной и В. Пулькиным в Карелии.

Когда Петр Первый перетаскивал суда (ну, в то время уж небольшие суда были), прорубили просеку от Белого моря к Онежскому. И вот по этой просеке тащили какие-то в то время суда. Вот, между прочим, рассказывают (насколько это правда, судить я не могу):

Остановился он в деревне Телекина, от Повенца там несколько километров, там двадцать или сколько, — в Телекиной.

Входит в избу — мужики сидят за столом и едят. У него была дубинка, с дубинкой любил ходить. Ну вот.

— Что вы едите?

(Там не знаю, сказали или нет: «Ваше величество»).

— Тесто!..

— Ах вы разбойники: вам хлеб лень печь!

И дубинкой давай полосовать.

Правда или нет?

А тесто — это так в старину готовили, из овсяной муки...

№ 175

Ну, а Шестова, по разговорам старых старожиллов, произошла она вот в каком духе. Когда Петр Первый проходил по нашей местности, доходя до этой деревни (как ее звали, не знаю, этой деревне было название); но когда он дошел до этой деревни, — пересекал ручей эту деревню, ну, Петр Первый там стал.

А играли ребятишки с палками. Петр Первый спросил:

— Ребятки, дайте мне эту палочку.

А они крикнули ему:

— Дяденька, это не палка, а это шест называется!

— Ну, дайте, — говорит, — мне шест.

Вот они ему, значит, бросили шест через этот ручей. А он на этом шесте перепрыгнул этот ручей. А потом и сказал ребятам, спросил:

— Как ваша деревня называется?

Они сказали ему, как деревня называется.

А он ее переименовал, так как на шесте перешел ручей, назвал деревню:

— Деревня будет называться Шестово, вот от слова «шест».

Ну, ребята эти, как раньше речники, они не называли шест палкой.

№ 19